

БАЛЕТ

Наука бессстрашия

Никогда не думал, что балетный спектакль можно воспринимать на слух. Но вот недавно привелось: одна из моих знакомых, фанатичная поклонница Майи Плисецкой, проиграла на стареньком магнитофоне запись, сделанную когда-то на «Дон Кихоте».

Мы слушали фонограмму, записанную на верху, на балконе, лет тридцать назад, а может быть, и больше. Впечатление было волнующим, захватывающим и совершенно необычным, ожило то, что ушло – ушло из современного театра безвозвратно. Спектакль давался в Кремлевском Дворце, а зал Дворца являет собой бездонную акустическую яму, в которой пропадает все – и звуки музыки, и звуки аплодисментов. Даже эмоции гаснут, как пиротехнические ракеты в сырую погоду. Между тем магнитофонная пленка зарегистрировала непреложный факт: гром оваций и радостный рев шестистысячной толпы на протяжении довольно длинного, более чем полчасового первого акта. Не знаю, уместно ли в этом признаться, но какая-то стадионная, отнюдь не сильфидная, атмосфера наполняла в тот вечер зрительный зал (сам присутствовал, сам орал, сам остервенело бил в ладони), а теперь она наполнила комнату, в которой играла старая запись. И то, что отсутствовал так называемый видеоряд, то, что мы не видели ни воздушных шлагалотов, ни дерзких поз, ни жестов, способных смутить, уничтожить, вернуть к жизни, воспламенить, – это нисколько не обедняло впечатление, поскольку обнажалась скрытая суть, духовная основа танцев Китри – Плисецкой. Определим эту суть испанским словом «дуэнде».

«Дон Кихот» – испанский балет, поэтому таинственное слово «дуэнде» здесь уместно. О «дуэнде» вдохновенно писал Федерико Гарсия Лорка. Процитируем короткий фрагмент.

«Итак, дуэнде – это мощь, а не труд, битва, а не мысль. Помню, один старый гитарист говорил: «Дуэнде не в горле, это приходит изнутри, от самых подошв». Значит, дело не в таланте, а в сопричастности, в крови, иными словами – в древней культуре, в даре творчества».

Все это сказано как будто о ней, московской балерине Майе Михайловне Плисецкой. Конечно же, сопричастность, конечно же, кровь, конечно же, дар творчества, конечно же, древнейшая культура. И все это объясняет, почему испанская тема так ее влекла, почему среди высших ее созданий – Китри и Кармен, почему, покинув Москву, она доста-точно долгое время жила в Мадриде.

И все-таки почему она ушла из Большого театра?

По крайней мере, по двум причинам. Во-первых, потому что в театре остановилась жизнь (ушло «дуэнде»). И во-вторых, потому что театр стал наполняться страхом.

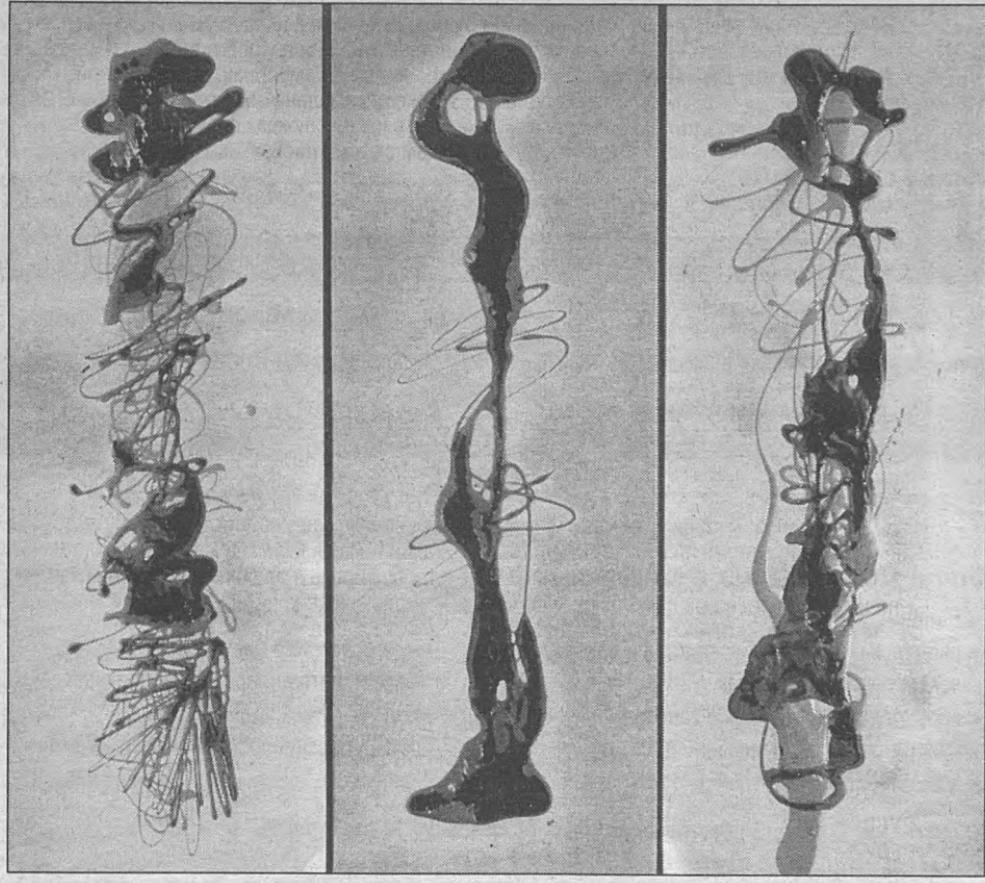
Сама Плисецкая в своей книге в присущей ей манере, без обиняков, обвиняет бывшего главного балетмейстера в деспотизме, называет маленьким Сталиным. Не будем с ней спорить. Добавим другое: Григорович не просто вызывал страх, он сам жил в страхе. Тема страха, страшных видений, страшных ожиданий, страшных снов – одна из ведущих в его искусстве. В своих ранних и лучших балетах он умел страх побеждать, затем страх подчинил его, он стал бояться многое, и прежде всего – бояться творчества, бояться новой работы. Многолетние простоты можно объяснить только так. А Плисецкая, как и лучшая часть труппы, хотела работать, хотела танцевать.

А главное, Майя Плисецкая никогда ничего не боялась.

Бессстрашie – самый бесценный дар, среди многих других даров, который она получила от богов, а может быть, и от предков. Самый бесценный и самый необходимый. Как же он ей пригодился! И когда она осталась одна на улице – мама была арестована вслед за отцом. И когда одна оставалась на сцене. И когда в одиночку сражалась за новый репертуар. И когда круто меняла свою жизнь. И когда танцевала Лебедя на фоне других, юных лебедей, в день пятидесятилетия своей беспримерной творческой карьеры.

Разумеется, жанр юбилейного поздравления побуждает все упрощать; разумеется, Майе Плисецкой тоже выпало пережить – и, полагаю, не раз – острые приступы страха. Но ей пришлось научиться им противостоять. Это была главная наука в эпоху террора. Все другие науки постигать было проще. Кто сумел этому научиться, тот мог на что-то рассчитывать. Кто не сумел, у того дела были плохи. Майе Плисецкой наука бессстрашия давалась довольно легко, легче, чем многим из нас. Но ведь у нее было «дуэнде».

Вадим ГАЕВСКИЙ

«Дама с собачкой». Из серии Бориса Жутовского «Танцует Майя Плисецкая». 1986–1988.